

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93

doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.191-201

ШКОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СОВЕТСКОГО ШКОЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАЗАНИ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

А.А. Сальникова, Д.С. Журавлев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрено влияние школьных образовательных реформ 20–30-х годов XX в. на формирование пространства новой советской школы. Объектом изучения явилось школьное пространство Казани – одного из крупных дореволюционных и советских провинциальных центров с устоявшимися образовательными традициями, подвергшимися кардинальным изменениям в первые советские десятилетия. Прослежена трансформация школьного пространства Казани в 20–30-е годы XX в., выявлена прямая взаимосвязь этих изменений с кардинальным реформированием прежней и строительством новой советской школы. Отмечено влияние школьных реформ на характер советских градостроительных практик, для которых было характерно постепенное усиление внимания к советской школе, активизация школьной застройки и расширение сети типовых школьных учреждений в связи с «унификацией» образовательного процесса в СССР. Сделан вывод о том, что казанский case в целом вписывается в происходившие в то время в СССР ключевые образовательные и градостроительные процессы. Исследование проведено на основе впервые вводимых в научный оборот документов из фондов Государственного архива Республики Татарстан.

Ключевые слова: история, образование, советская школа, образовательные реформы, школьное строительство, школьное пространство, Казань, 20–30-е годы XX века

В грандиозном советском проекте по воспитанию «нового» человека едва ли не основное место всегда принадлежало советской школе и школьному образованию. Школа должна была стать той особой и важнейшей частью советского детского пространства, где неустанно и целенаправленно формировалась бы новая советская идентичность, где традиционные ценности и взгляды на воспитание и жизнь корректировались бы в соответствии с новыми политико-идеологическими установками, образцами и нормами. Понимая под «детским пространством» систему локусов, освоенных и присвоенных детьми, и трактуя его в первую очередь как пространство «социальное», как «место проникновения власти

в конкретный локус детской жизни» [1, с. 223], мы уже не раз отмечали, что социальное пространство всегда требует своего физического воплощения [1, с. 223; 2, с. 179]. И потому школьная архитектура, локализация школы в городском ландшафте, внутренняя организация школьных зданий и пришкольной территории содержат важную и подчас уникальную информацию о властных технологиях в области воспитания советского ребенка.

В советском городе школа действительно становилась одним из ключевых локусов детской повседневности. Этому в немалой степени способствовала сама специфика этого пространства, целенаправленно созданного или приспособленного для детей с учетом их возрастных особенностей и потребностей, а также его структурное многообразие, отражающее разные виды детской повседневности, в том числе повседневность учебную, трудовую, праздничную, досуговую и др. В соответствии с этими потребностями формировались различные по своему содержанию, оформлению и функциям компоненты школьного пространства, такие как классные комнаты, спортивные и детские игровые площадки, школьные уголки, учебные мастерские, библиотеки, столовые, санитарно-гигиенические зоны, хозяйственный блок и проч.

В настоящей статье процесс формирования советского школьного пространства прослеживается на примере Казани – одного из крупных дореволюционных, а затем и советских провинциальных центров с устоявшимися образовательными традициями, подвергшимися кардинальным изменениям в первые советские десятилетия. Основными источниками исследования явились советские нормативно-законодательные документы, направленные на реформирование школы в 20–30-е годы XX в., а также архивные документы делопроизводственного характера, отложившиеся в фондах Государственного архива Республики Татарстан (далее ГА РТ) – фонде Казанского губернского комитета государственных сооружений при ТСНХ (Комгоссоор), фонде Министерства образования и науки Республики Татарстан и фонде Главного управления архитектуры и градостроительства администрации г. Казани. Найти воспоминания казанцев с описанием школьного пространства рассматриваемого периода оказалось гораздо сложнее, хотя таковые и имеются. В частности, мы обратились к воспоминаниям профессора Казанского университета Г.Н. Вульфсона «Страницы памяти» (2010) [3], учившегося в 30-е годы XX в. в казанской школе № 4, что в какой-то степени позволило дополнить информацию, извлеченную из официальных документов, личным восприятием мемуариста.

* * *

Как известно, начало созданию советской школы положил декрет СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», отделивший школу от церкви и церковь от государства [4, с. 12–13], и декрет ВЦИК «О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» от 30 сентября 1918 г., узаконивший обязательное, бесплатное и совместное обучение всех детей в возрасте от 8 до 17 лет [4, с. 133–137]. Последовавшие за этим годы стали временем поиска и экспериментов в школьном образовании. Но о кардинальном реформировании школьного пространства в тот период не могло быть и речи. Обескровленная

войнами и революциями, молодая Советская Россия не располагала необходимыми материально-техническими ресурсами для строительства новых школ, да такое строительство и не являлось тогда приоритетной задачей. В постановляющей части директивно-распорядительных документов Казанского губернского комитета государственных сооружений при Татсовнархозе (Комгоссоор) первых послеоктябрьских лет встречаются решения о необходимости хотя бы привести «в более или менее надлежащий вид» уже имеющиеся школьные помещения (ГА РТ 1, д. 9, л. 61; д. 141, л. 19). Сохранились также отдельные документы, содержащие указания на необходимость строительства школ как обязательной части инфраструктуры новых рабочих поселков и о возможности использования под школьное строительство участков, пострадавших от пожаров в период Гражданской войны (ГА РТ 1, д. 16, л. 6; д. 150, л. 2, 7 и др.), но эти документы носят отрывочный и разрозненный характер, а главное – отсутствуют сведения о дальнейшей реализации этих решений.

Финансирование школьного строительства осуществлялось тогда по остаточному принципу. Так, например, если первоначально на школьное строительство Казанским губернским комитетом государственных сооружений при ТСНХ на второе полугодие 1919 г. испрашивалось 21 562 000 руб., из которых на Казань причиталось всего 145 000 руб., в конечном итоге эта сумма была урезана до 8 498 653 руб. (ГА РТ 1, д. 38, л. 31). Новые школы в Казани в то время практически вообще не строились. Дети учились либо в сохранившихся с дореволюционного периода школьных зданиях [1, с. 227–228], либо в любых помещениях, так или иначе пригодных для проведения занятий, в том числе в зданиях церквей, мечетей, иногда перестраиваемых, а чаще лишь ремонтируемых для этих целей настолько, насколько позволяла тогдашняя ситуация (ГА РТ 1, д. 50, л. 6–8; д. 75). Для проведения ремонта таких зданий в городе проводились воскресники (ГА РТ 1, д. 108, л. 89–90). Однако в целом нельзя не согласиться с А.Ю. Рожковым, отмечавшим, что многие школы тогда так и не имели «собственных помещений» [5, с. 79].

Такая ситуация оставалась неизменной, по существу, вплоть до конца 20-х годов XX в. [6, с. 21]. Отсутствие специальных помещений, теснота классов и самих зданий, безусловно, отрицательно сказывались на учебном процессе. Занятия проходили в несколько смен, иногда учащиеся разных классов занимались в одном помещении или, наоборот, их вынужденно делили на более мелкие подгруппы из-за невозможности разместить всех вместе в одном классе. Качество немногочисленных вновь отстраиваемых школьных зданий оставляло желать лучшего, причем иногда заниматься в них было опасно не только для здоровья, но и для жизни учащихся. Так, в «Акте осмотра школы в рабочем и национальном районе города Казани в Ново-Татарской Слободе» за 1927 г. комиссия отметила «небрежную рубку стен, развалы, отсутствие затяжек при пролетах», неприведение «стен в одну плоскость, зыбкость междуэтажного перекрытия» (ГА РТ 2, д. 1491, л. 26–27). Теснота и темнота в классных комнатах, посменное обучение негативно отражались на интеллектуальном и физическом развитии детей. «Поколение учащихся 1920-х годов в целом характеризуется довольно низким уровнем физического развития», – пишет А.Ю. Рожков [5, с. 165].

Недостаточное финансирование школ порождало проблемы с их материальным обеспечением, в том числе со школьной мебелью – партами, шкафами для хранения учебной литературы, досками и необходимым для ведения учебного процесса оборудованием. Дети под руководством учителей сами старались зарабатывать на самое необходимое. Например, в школах Казани регулярно ставились самодеятельные спектакли, доход с которых поступал в школьный фонд (ГА РТ 2, д. 1202, л. 15).

Конец 20-х – начало 30-х годов XX в. по-прежнему характеризуется в Казани, как, впрочем, и во всей стране [2, с. 188], низкой активностью школьного строительства. Однако потребность в его расширении осознается все четче, что подтверждают и архивные документы. Так, в выписке из протокола № 26 заседания Наркомпроса ТАССР от 5 апреля 1929 г. указывалось: «Одновременно, для равномерного обеспечения школьно-строительных работ, ввиду острой потребности в школьных помещениях на местах и необходимости выполнения школьной строительной программы в соответствии с планом всеобщего обучения принять необходимые меры к усилению школьного строительства по местному бюджету» (ГА РТ 2, д. 1492, л. 14).

В 30-е годы XX в. Советское государство вплотную занялось реформированием школьного образования. Постановление ЦИК и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 г., постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г. и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 15 мая 1934 г. способствовали расширению и реформированию школьного пространства. В постановлении 1930 г. говорилось об усилении «ассигнования как по местному, так и по единому государственному бюджету, в частности по фондам на строительство школ, со специальной дотацией из общесоюзного бюджета», размер которой устанавливался СНК СССР. Далее указывалось, что «к строительству, ремонту и оборудованию школ всеобщего обучения должны быть привлечены хозяйственные, профсоюзные, кооперативные и другие общественные организации; в финансовых планах хозяйственных органов по крупному капитальному строительству должны предусматриваться капитальные вложения на строительство школ для всеобщего обучения» [4, с. 111–113]. Введение всеобщего начального образования привело к необходимости увеличения размеров и вместимости школ, что было особенно актуально для Татарской Республики: при обследовании школьного строительства, проведенного Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции в 1930 г. во исполнение принятого постановления, выяснилось, что в процентном охвате отношение учащихся детей в возрасте от 8 до 11 лет ко всем учащимся равнялось в Татарской республике 86%, тогда как в РСФСР этот показатель составлял лишь 54.9% [7, с.125–128].

Курс на политехнизацию школьного обучения, намеченный в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 г. «О начальной и средней школе» [4, с. 156–161] и в Постановлении ЦИК и СНК СССР «О школах фабрично-заводского ученичества» от 15 сентября 1933 г. [8, с. 703–705], активизировал создание в ТАССР, в том числе и в Казани, сети фабрично-заводских школ. Для строительства таких школ выделялись как свободные участки в черте города, так и уже застроенные кварталы. Основным требованием было расположение школы в непосредствен-

ной близости от промышленного предприятия или, если возможно, прямо на его территории с целью облегчения прохождения учащимися производственной практики. Одну из таких школ-девятилеток на 800 учащихся предполагалось открыть в Казани на базе завода им. Вахитова для подготовки «квалифицированной рабочей силы для химической, пищевкусовой и металлообрабатывающей промышленности» (ГА РТ 3, д. 1, л. 96). Под школу предполагалось занять «полностью улицу Нариманова» и частично улицы Плетеневскую и Тукаевскую. Планировщиков не остановило то, что в зону застройки по улицам Плетеневской и Тукаевской попадали четыре заселенных дома с 17 квартирами, причем один дом был муниципальный, а три остальные – частновладельческие. Предлагалось «в наикратчайший срок очистить территорию постройки», дома снести (хотя не указывалось, что же делать с проживающими там людьми и как возмещать имущественные потери собственникам), а также немедленно передать цеха и мастерские завода «Красный молот», находящиеся на месте строительства, под школьные учебно-производственные предприятия (ГА РТ 3, д. 1, л. 48, 59, 75, 94, 96).

В целом же ситуация со школьным строительством в Казани все еще оставалась неудовлетворительной. Результаты проверок казанских школ, проведенных в 1933 г., свидетельствовали о том, что в большинстве из них помещения были загружены выше нормы и не удовлетворяли санитарно-гигиеническим требованиям. Вместо нормативных 1.29 кв. м классного пространства и 4.38 куб. м воздуха на каждого учащегося приходилось соответственно 1 кв. м и 3.14 куб. м. Отсутствовали специальные помещения как для трудовой, так и для досуговой деятельности. Неуклонно снижались ассигнования на капитальный ремонт и оснащение школьных помещений. В материалах проверок указывалось на необходимость организовать «в полном объеме инвентарное и архитектурное наполнение школы для устранения препятствий реализации советской системы воспитания» (ГА РТ 2, д. 1556, л.16, 18). Ощущалась острая нехватка строительных материалов, в первую очередь кирпича. Решение проблемы часто осуществлялось за счет разборки зданий религиозного культа. Так, для строительства школы в новом рабочем поселке «Красный Химик» в Адмиралтейской слободе и школы на берегу озера Кабан на пересечении улиц Насыри и Сафьян было разрешено «разобрать кирпичную стену» одного из бывших казанских монастырей (какого – не указано) (ГА РТ 3, д. 41, л. 11).

Постановление «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 15 мая 1934 г. обозначило, как известно, «общие для всего СССР типы общеобразовательной школы» (начальную – 1–4 класс включительно, неполную среднюю – 1–7 класс включительно и среднюю – 1–10 класс включительно) [4, с. 167]. Унификация школьного образования не могла не сказаться и на подходах к школьному строительству. Пик дискуссии об архитектуре новой советской школы пришелся на 1935 г. в связи с появлением постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22 февраля 1935 г. «О строительстве школ в городах и о приеме в высшие педагогические учебные заведения». Архитектурное сообщество было озадачено проектированием и постройкой в кратчайшие строки школьных зданий по всему СССР. В постановлении содержались четкие установки на типовое строительство школьных зданий и конкретные требования к ним (в первую очередь, требование рациональной планировки школ с доведением использования школьной площади под

классы с 35% до 60–65%, что было связано с отказом от прежней бригадно-лабораторной формы обучения, с разумно ограниченной численностью контингента учащихся – от 280 до 880 человек, требование проектирования всех школ в «приподнято-торжественных формах» с выделением на фасадах и стенах пространств для идеологической пропаганды, требование максимального приближения школ к месту проживания ребенка) [7, с. 517–519]. Конец дискуссиям положило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1936 г. «О школьном строительстве в 1936 г.», которое полностью запрещало строительство нетиповых школ [9, с. 291]. Документ содержал конкретные цифры по объемам школьного строительства на 1936 г. В Татарской АССР предполагалось построить 18 новых типовых школ с контингентом учащихся в размере 8600 человек с объемом вложений в 6237 тыс. руб., из них в Казани 7 школ с количеством учащихся 4720 человек и объемом вложений 4133 тыс. руб. [9, с. 289].

Предписанные постановлением требования по строительству типовых школ стремились соблюдать в Казани неукоснительно. Это касалось в первую очередь организации школьного пространства, которая теперь была строго регламентирована, что распространялось и на состав учебных и учебно-вспомогательных помещений, и на их оптимальную кубатуру, на коэффициент освещения и на оборудование специальных кабинетов и лабораторий [10, с. 63–69, 71–74].

Архивные документы позволяют сделать выводы относительно особенностей локализации и масштабов нового школьного строительства в городе. Возьмем архивное дело 1936 г. «Об отводе участка ГорОНО под строительство школы» (ГА РТ 3, д. 41, л. 12–15). Инициативным документом является заявка Городского отдела народного образования Казани об отводе участка для школы на 880 человек в районе Калугиной горы (ГА РТ 3, д. 42, л. 38–39). Заметим, что двухкомплектная средняя школа на 880 учащихся предусматривалась как основной тип школ для крупных городов, в частности для Казани [11, с. 223]. Заявка была одобрена. Общая площадь выделенного участка составила 6324 кв. м. В состав архивного дела входил план строительства, включавший само здание школы, а также площадку для массовых игр, хозяйственный двор, сарай, кладовую и ряд мелких хозяйственных помещений (ГА РТ 3, д. 41, л. 12–15). В деле отсутствуют картографические материалы. Место расположения будущей школы описано в словесной форме. Ее предстояло построить в районе Калугиной горы (район, расположенный по левую сторону от нынешней улицы Вишневого). Поселок Калугина гора (Калуга) вошел в состав города в 1924 г. и на протяжении некоторого времени оставался одной из самых неблагоустроенных окраин города [12, с. 265]. В 30-е годы XX в. здесь интенсифицировалась жилая застройка, что привело к возрастанию численности населения и потребности в строительстве школ. Новая школа должна была располагаться в непосредственной близости к уже построенной в 1936 г. типовой школе № 75. Этот пример подтверждает тот факт, что новые типовые школы во второй половине 30-х годов строились преимущественно на окраинах города, в тех районах, которые первоначально отличала неразвитая инфраструктура, но которые стали более динамично отстраиваться и развиваться в связи с актуальной в то время ориентацией на отказ от моноцентричности города, преодоление социальной пространственной сегрегации и благоустройство городских окраин.

Типовые школы отстраивались и в старых городских районах с неразвитой образовательной инфраструктурой. Так, в 1937 г. под строительство типовой школы на 880 человек был выделен участок площадью 1.6 га в Суконной слободе (ГА РТ 3, д. 146, л. 1–4). Схема школы содержала классные помещения, актовый зал, спортивную и детскую игровую площадки, хозяйственные помещения, столовую и библиотеку.

Однако, несмотря на все предпринимаемые меры, обеспечить учащихся новыми школьными помещениями в середине – второй половине 30-х годов XX в. все еще не удавалось, чем объясняются настойчивые призывы «при распределении объектов под школьное строительство» «в первую очередь» переоборудовать церкви, мечети и «прочие помещения религиозного культа» (ГА РТ 2, д. 1498, л. 13). Особое внимание уделялось капитальному ремонту школ и обеспечению их необходимым инвентарем (ГА РТ 2, д. 1498, л. 10).

Новая школа, расположенная на окраине или в прежде «непривилегированном» городском районе, должна была стать не только неким культурно-образовательным центром, но и носителем и реальным воплощением «советского» в «советизируемом» городском пространстве. Не менее важная роль была уготована и тем школам, которые располагались в старом «аристократическом» центре Казани. Вскоре после смерти В.И. Ленина в 1924 г. вокруг Казанского университета предполагалось создать мемориальный «Ленинский уголок», включавший в себя и ряд детских образовательных и воспитательных учреждений [1, с. 227]. Проект не был реализован полностью, но в значительной части своей все же воплощен в жизнь. Так, в нескольких десятках метров от главного здания Казанского университета, в построенном в 1914 г. здании бывшего женского Повивального института располагалась теперь казанская школа № 4 (школа имени В.И. Ленина). Описание этой школы оставил в своих мемуарах профессор Казанского университета Г.Н. Вульфсон [3].

Григорий Вульфсон поступил в эту школу уже 13-летним подростком, после переезда родителей из Новосибирска в Казань. В его воспоминаниях отсутствует описание пространства школы с точки зрения ее архитектурно-планировочных характеристик, зато прекрасно описан сам дух советской школы того времени. Среди обязательных школьных внеклассных мероприятий автор упоминает посещение Казанского университета имени В.И. Ульянова-Ленина, которое произвело огромное впечатление на мальчика и оставалось, по его словам, одним из его самых ярких детских воспоминаний [3, с. 22].

В целенаправленно проводимом курсе на милитаризацию детского воспитания большое внимание уделялось строительству при школах спортивных объектов, предназначенных для совершенствования военных навыков подрастающего поколения. Так, в архивных документах середины – второй половины 30-х годов XX в. встречаются распоряжения о создании на школьных участках тиров для стрельбы из мелкокалиберного оружия (ГА РТ 3, д. 216, л. 2). При этом во многих зданиях, отстраиваемых по типовым проектам, спортзалы не предусматривались – их заменяли пришкольные спортивные, а для младших школьников – игровые площадки (ГА РТ 3, д. 41, л. 20; д. 146, л. 4; д. 216, л. 2). Актовые и спортивные залы в школах появились только на рубеже 30–40-х годов XX в. [11, с. 223].

Таким образом, анализ привлеченных архивных документов показывает, что формирование нового советского школьного пространства Казани шло в русле тех ключевых образовательных и градостроительных тенденций, которые намечались и проявились в Советской России / СССР в 20–30-е годы XX в. Иного и не могло быть, поскольку региональное, а в случае с Казанью – и национальное школьное пространство по замыслу советских реформаторов должно было стать и действительно стало неотъемлемой частью единого унифицированного советского образовательного пространства, причем процесс унификации и стандартизации резко ускорился в 30-е годы, что было связано с унификацией и стандартизацией самого образовательного процесса.

Несмотря на желание местных властей исполнить поступавшие «сверху» распоряжения точно и в срок, это удавалось далеко не всегда. Город сильно пострадал в период Гражданской войны, и свой «социалистический» облик, включая и новое школьное пространство, стал обретать лишь с 30-х годов XX в., особенно во второй их половине. Однако появившиеся в Казани новые школьные здания буквально тонули в массе старых построек. Школы, находившиеся в прежнем городском административно-культурном центре, в большинстве своем продолжали располагаться в различных учебных зданиях, отстроенных еще до 1917 г. Новые типовые школы строились преимущественно в бывших рабочих слободах и на городских окраинах, быстро росших в условиях индустриализации и урбанизации городского пространства, развернувшегося промышленного строительства, роста миграционных потоков. Городское пространство Казани радикально реструктурировалось, и быстро развивающиеся новые промышленные районы должны были обрести развитую образовательную инфраструктуру. Активно строились новые школы там, где исконно проживало татарское население, что было направлено на выравнивание и унификацию районов города и по этнонациональному признаку.

Нет сомнений в том, что разработанные новые проекты типовых советских школ 1935–1936 гг. были не просто приспособлены под актуальные политические и педагогические задачи своего времени. Они были удобны и комфортны для детей и полностью вписывались в концепт «счастливого советского детства» как одна из базовых составляющих советской государственной идеологии.

Источники

- ГА РТ 1 – Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-417: Казанский губернский комитет государственных сооружений при ТСНХ (Комгоссоор), оп. дел постоянного хранения за 1918–1922 гг. Оп. 1. Д. 9. 314 л.; Д. 16. 13 л.; Д. 38. 121 л.; Д. 50. 14 л.; Д. 75. 215 л.; Д. 108. 118 л.; Д. 141. 101 л.; Д. 150. 17 л.
- ГА РТ 2 – ГА РТ. Ф. Р-3682: Министерство образования и науки республики Татарстан, оп. дел постоянного хранения за 1920–1945 гг. Оп. 1. Д. 1202. 47 л.; Д. 1491. 86 л.; Д. 1492. 112 л.; Д. 1498. 133 л.
- ГА РТ 3 – ГА РТ. Ф. Р-1583: Главное управление архитектуры и градостроительства администрации г. Казани, оп. дел постоянного хранения за 1929–1945 гг. Оп. 2. Д. 1. 96 л.; Д. 41. 138 л.; Д. 42. 171 л.; Д. 146. 28 л.; Д. 216. 129 л.

Литература

1. Сальникова А.А. Конструирование «детского» пространства советского города в 1917–1927 гг. (к постановке проблемы) // Диалог со временем. – 2017. – № 60. – С. 222–237.
2. Salnikova A., Khamitova Z. School architecture as a way of promotion of Soviet identity in the 1930s' Stalinist Russia // History of Education & Children's Literature. – 2015. – V. 10, No 1. – P. 177–194. – doi: 10.1400/231835.
3. Вульфсон Г.Н. Страницы памяти. – Казань: Kazan–Казань, 2010. – 232 с.
4. Народное образование СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973. – М.: Педагогика, 1974. – 559 с.
5. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. – М.: НЛО, 2014. – 640 с.
6. Ахметова А.Р. Школьное образование в Татарстане в 1920-е гг.: социально-политический анализ: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2006. – 23 с.
7. Культурное строительство в РСФСР. Статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1958. – 459 с.
8. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1933 г. – М.: [Б. и.], 1948. – 934 с.
9. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1936 г. – М.: [Б. и.], 1946. – 878 с.
10. Тутаев М.З. Развитие народного образования в Татарии (1917–1940 гг.). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. – 204 с.
11. Всеобщая история архитектуры: в 12 т. / Глав. ред. Н. В. Баранов. – М.: Стройиздат, 1975. – Т. 12, кн. 1: Архитектура СССР. – 753 с.
12. Вся Казань: Справочная книга по городу Казани / Сост.: М. Бубеннов, Н. Козлова, А. Никольский и др. – Казань: Ред. газ. «Красная Татария» – «Кызыл Татарстан», 1940. – 286 с.

Поступила в редакцию
26.09.2022

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Alla.Salnikova@kpfu.ru

Журавлев Денис Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Denisszhv@gmail.com

**School Education Reforms and Development
of a New Soviet School Space in Kazan during the 1920s and 1930s**

A.A. Salnikova*, D.S. Zhuravlev**

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *Alla.Salnikova@kpfu.ru, **Denisszhv@gmail.com

Received September 26, 2022

Abstract

This article examines the role of the school education reforms enacted in the 1920s–1930s for promoting the formation of a new Soviet school space. The focus is on the school space of Kazan, a major pre-revolutionary and Soviet provincial center with the long-inherited educational traditions reconsidered during the first decades of the Soviet regime. The research is based on the documents from the collections of the State Archives of the Republic of Tatarstan, which have been for the first time introduced into the scientific use. The results obtained show that the school space of Kazan underwent an overhaul when the Soviet power had established itself. This was a direct consequence of the reforms and innovations aimed to build a radically new school for the Soviet people. The school reforms also influenced the Soviet urban planning practices by gradually putting a greater emphasis on the needs of the Soviet school, intensifying the school construction, and expanding the network of model schools in connection with the “unification” of the Soviet educational process. The conclusion is that the Kazan case generally fits into the key educational and urban development processes that were taking place in the Soviet territory of that time.

Keywords: history, education, Soviet school, education reforms, school construction, school space, Kazan, 1920s–1930s

References

1. Salnikova A.A. “Children loci” construction in the Soviet city of 1917–1927. *Dialog so Vremenem*, 2017, no. 60, pp. 222–237. (In Russian)
2. Salnikova A., Khamitova Z. School architecture as a way of promotion of Soviet identity in the 1930s’ Stalinist Russia. *History of Education & Children’s Literature*, 2015, vol. 10, no. 1, pp. 177–194. doi: 10.1400/231835.
3. Vulfson G.N. *Stranitsy pamyati* [Recollections]. Kazan, Kazan-Kazan’, 2010. 232 p. (In Russian)
4. *Narodnoe obrazovanie SSSR. Obshcheobrazovatel’naya shkola. Sbornik dokumentov 1917–1973* [Public Education in the USSR. Regular School. A Collection of Documents from the Period of 1917–1973]. Moscow, Pedagogika, 1974. 559 p. (In Russian)
5. Rozhkov A.Yu. *V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [Among Peers: The Life of Young People in Soviet Russia during the 1920s]. Moscow, NLO, 2014. 640 p. (In Russian)
6. Akhmetova A.R. School education in Tatarstan during the 1920s: A socio-political analysis. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Kazan, 2006. 23 p. (In Russian)
7. *Kul’turnoe stroitel’stvo v RSFSR. Statisticheskii sbornik* [Cultural Construction in the RSFSR. A Collection of Statistics]. Moscow, Gosstatizdat, 1958. 459 p. (In Russian)

8. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik za 1933 g.* [A 1933 Collection of Laws and Orders of the Workers'-Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, sine nomine, 1948. 934 p. (In Russian)
9. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik za 1936 g.* [A 1936 Collection of Laws and Orders of the Workers'-Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, sine nomine, 1946. 878 p. (In Russian)
10. Tutaev M.Z. *Razvitie narodnogo obrazovaniya v Tatarii (1917–1940 gg.)* [The Development of Public Education in Tataria (1917–1940)]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1975. 204 p. (In Russian)
11. Baranov N.V. (Ed.) *Vseobshchaya istoriya arkhitektury* [A World History of Architecture]. Vol. 12, Book 1: USSR architecture. Moscow, Stroizdat, 1975. 753 p. (In Russian)
12. Bubenov M., Kozlova N., Nikol'skii A., et al. *Vsya Kazan': Spravochnaya kniga po gorodu Kazani* [The Entire Kazan: A Guide to the Kazan City]. Kazan, Red. Gaz. "Krasnaya Tatariya"—"Kyzyl Tatarstan", 1940. 286 p. (In Russian)

Для цитирования: Сальникова А.А., Журавлев Д.С. Школьные образовательные реформы и формирование нового советского школьного пространства в Казани в 20–30-е годы XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 6. – С. 191–201. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.191-201.

For citation: Salnikova A.A., Zhuravlev D.S. School education reforms and development of a new Soviet school space in Kazan during the 1920s and 1930s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 6, pp. 191–201. doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.191-201. (In Russian)